
ДИАХРОНИЧЕСКАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

DIACHRONIC SOCIOLINGUISTICS

УДК 81 272

DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-173-185

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРАКТАТЕ КЛАУДИО ТОЛОМЕИ «ЧЕЗАНО» (1525)

Любовь И. Жолудева

МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Статья посвящена итальянскому ренессансному трактату о языке – «Чезано» Клаудио Толомеи (ок. 1525; опублик. 1555). Это сочинение примечательно тем, что в нем проблемы языкового нормирования в Италии обсуждаются в широком социолингвистическом контексте. Так, автор пишет о происхождении и базовых функциях языка, о языковых контактах и их роли в процессах лингвогенеза, о соотношении узуса и кодифицированной нормы, о важности функционально-стилистической диверсификации литературного языка, о системных фонетических и грамматических изменениях от латыни к итальянскому языку и о первостепенной роли живой коммуникации в процессе обучения языку. К 1555 году, когда трактат был опубликован, итальянская прескриптивная норма была уже в целом сформирована на прецедентной основе (с опорой на произведения классиков флорентийской литературы Треченто). На фоне других итальянских лингвистических сочинений той же эпохи «Чезано» К. Толомеи выделяется тем, что в нем последовательно проводится мысль о первостепенной роли узуса в процессе нормализации языка. Многие из наблюдений К. Толомеи, возможно не до конца оцененные его современниками, находят параллели в современных лингвистических концепциях (в частности, в работах по социолингвистике и теории языкового варьирования).

Ключевые слова: история лингвистических учений, языковая норма, узус, романские языки, итальянский язык, Клаудио Толомеи

SOCIOLINGUISTIC ISSUES IN CLAUDIO TOLOMEI'S TREATISE "CESANO"
(1525)

Liubov' I. Zholudeva

Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

The article focuses on a piece of Italian Renaissance linguistic thought: the treatise "Il Cesano" by Claudio Tolomei (written around 1525, first published in 1555). The treatise in question is an argumentative essay where multifarious aspects of language standardisation in Italy are discussed in a broad sociolinguistic context. Thus, Tolomei discusses the origins of human language and its basic functions, language contacts and their role in the development of new languages, the correlation between language use and codified norm, the importance of functional-stylistic diversification of literary languages, phonetic and grammatical changes from Latin to the Romance languages, and, last but not least, the primary role of verbal interaction in the process of language acquisition. In 1555 when the treatise, written around 1525, was finally published it was already beyond doubt that the Italian language norm was being developed along the lines of the authoritative texts (Dante Alighieri's "Divine comedy", G. Boccaccio's "Decameron", and F. Petrarca's "Canzoniere", in the first place). In this context Tolomei, with his emphasis on living language and modern patterns of usage, stands out from the crowd. Many among Tolomei's insights seem not to have been fully understood and valued by his contemporaries; however, they find numerous parallels in today's linguistic thought.

Keywords: history of linguistics, language norm, language use, Romance languages, Italian language, Claudio Tolomei

Введение

Для историков итальянского языка XVI век – это, в первую очередь, период разработки и кодификации итальянской прескриптивной языковой нормы [Maiden, 1995: 25; Cerruti et al., 2017: 5; Trovato, 1994: 11]. Развитие книгопечатания (а также, возможно, начало создания кодифицированной нормы для национальных литературных языков в соседних романских ареалах) уже в эпоху Возрождения, задолго до политического объединения итальянских земель, подтолкнуло итальянское языковое сообщество к дискуссии о принципах нормализации народного языка. Потребность в общем литературном языке, отличном от латинского, носители диалектов Италии начали ощущать еще в предшествующие столетия (одним из первых эту идею сформулировал Данте Алигьери в трактате «О народном красноречии»). Однако структурные расхождения между развившимися из народной латыни Италии разновидностями романской речи были настолько глубокими, что формирование литературного языка на основе одной из них было непростой задачей. В случае с Италией появление народного литературного языка, "volgare illustre", не подразумевало постепенного вытеснения им диалектов (за счет постепенного выравнивания и уподобления менее престижных диалектов тому, что стал основой литературного языка). В Италии рост престижа флорентийского диалекта создал предпосылки для конкуренции между ним и латынью за роль престижной формы речи, языка литературы и надрегиональной коммуникации (преимущественно письменной), тогда как языками первичной социализации и повседневного общения оставались диалекты.

XVI век: “*Questione della lingua*” в истории итальянской лингвистической мысли

С точки зрения истории социолингвистики как филологической дисциплины итальянский XVI век – это еще и важный для развития научной мысли этап. Столкнувшись с особым рода сложностями в процессе разработки языкового стандарта, итальянцы эпохи Возрождения посвятили многочисленные теоретические сочинения проблемам языкового варьирования, литературного языка и кодификации нормы [Алисова, 1960]. Они ввели в научный обиход понятие «диалект» применительно к языковой ситуации в Италии (а не только в Древней Греции, что было характерно для более ранних филологических сочинений) [Cannata, 2010]. Итальянские авторы XVI века сравнивали языковую ситуацию в Италии и других европейских странах, обсуждали проблемы социальной стратификации языка, писали о необходимости обучения сограждан литературному языку (только в письменной или в письменной и устной формах). Отдельное направление в рамках дискуссий о языке XVI века, получивших собирательное обозначение “*Questione della lingua*”, было посвящено проектам нормализации графики и орфографии. Наиболее детально проработанный проект орфографической реформы представил Джанджорджо Триссино, уроженец Виченцы (северо-восток современной Италии), не понаслышке знавший о трудностях изучения литературного языка по текстам. Клаудио Толомеи, тосканец, посвятил один из своих трактатов, «Полито» (“*Il Polito*”, опубл. 1525), полемике с Триссино: с его точки зрения, реформа орфографии, пусть даже устанавливающая системное соответствие между фонетикой и графикой, не будет принята языковым сообществом, во-первых, потому, что она войдет в противоречие с уже сложившимися орфографическими привычками языкового коллектива, а во-вторых, потому, что произношение вариативно и зависит от региональной принадлежности говорящего.

Единомышленниками Толомеи в том, что касалось приверженности узусу, среди прочих были Бальдассаре Кастильоне, автор трактата «О придворном» (“*Il Cortegiano*”, 1528), и Никколо Макиавелли (“*Discorso o dialogo intorno alla nostra lingua*”, 1524–25). Все трое не считали правильным чрезмерно полагаться на литературные образцы (как призывал Пьетро Бембо, автор «Бесед о народном языке» – “*Prose della volgar lingua*”, 1525), неизбежно ограниченные по объему и к тому же отчасти устаревшие за два столетия, и призывали ориентироваться на речь современников – образованных людей: независимо от региона их происхождения (Б. Кастильоне), уроженцев Тосканы (К. Толомеи) или только жителей города Флоренции (Н. Макиавелли; позднее также Б. Варки).

Трактат К. Толомеи «Чезано» и его место в итальянских спорах о языке XVI века

Трактат Клаудио Толомеи «Чезано» был написан на фоне дискуссий об источниках итальянской языковой нормы и принципах ее кодификации. Первый пик этих дискуссий пришелся на период между 1516 (дата публикации первой печатной грамматики итальянского языка – «Грамматические правила народного языка» (“*Regole grammaticali della volgar lingua*”) Франческо Фортуньо) и 1527 годами. 1527 год был ознаменован одним из самых трагических событий в истории ренессансной Италии – “*il Sacco di Roma*”, разгромом Рима немецкими ландскнехтами, наемниками испанского императора Карла V; за вторжением последовала вспышка чумы, принесенной войсками. После событий 1527 года дискуссии о литературном языке на некоторое время отошли на второй план. Как следствие, часть трактатов на языковые темы, которая должна была выйти в свет

и даже была сдана в римские типографии, так и не была опубликована или, как в случае с «Чезано» (написан приблизительно в 1525 г., опубликован в 1555 г. [Tolomei, 1996: 116–117]), вышла в свет через много лет после написания, частично утратив полемическую остроту. Но актуальность содержания сохранилась: многие из наблюдений Толомеи, касающихся бытования языка в обществе, языкового варьирования, функционально-стилистической дифференциации языка и соотношения нормы и узуса, предвосхищают идеи и положения современной социолингвистики.

С формальной точки зрения лейтмотив трактата «Чезано» – проблема названия литературного языка Италии, которая особенно волновала участников итальянских споров о языке в 20-е годы XVI века [Жолудева, 2013]. Тот факт, что совсем вскоре после выхода «Бесед о народном языке» П. Бембо¹ дискуссии о лингвониме сошли на нет [Trovato, 1994: 75], по всей вероятности, свидетельствует о том, что предметом обсуждения был не столько выбор названия для языка, сколько выбор принципа его нормализации и кодификации. Как только «архаистам» – Бембо и его единомышленникам – удалось предложить языковому коллективу работающую модель нормализации (опора на тексты классиков флорентийской литературы XIV века, тщательно отредактированные при подготовке к публикации, а также на рекомендации грамматистов, составленные на основе анализа этих текстов), название языка перестало занимать умы. Таким образом, трактат «Чезано» уже в 1555 году мог выглядеть как попытка возврата к неактуальной проблематике; и все же он был напечатан (в Венеции, в типографии Джолито де' Феррари), что говорит о его несомненной ценности в глазах современников: венецианские типографы не приняли бы в работу заведомо убыточный проект.

И по форме, и по содержанию в трактате К. Толомеи можно выделить две части. Первая представляет собой серию монологов в защиту разных вариантов названия литературного языка Италии (*lingua “volgare”, “italiana”, “cortigiana”, “fiorentina”, “toscana”*), вторая – изложение авторской позиции в споре. В отличие от многих других участников *questione della lingua*, К. Толомеи не стремился имитировать куртуазную беседу (как это делали П. Бембо и Б. Кастильоне в своих трактатах о языке) или живую и эмоциональную полемику (как в «Диалоге о языке» Н. Макиавелли). Композиция и стилистика трактата «Чезано» подчинены его основной задаче – обобщить и проанализировать доводы оппонентов, а затем четко и последовательно обосновать свой взгляд на проблемы литературного языка. Если стиль «Бесед о народном языке» Бембо, безусловно, отличается от нейтрального в сторону риторической усложненности и возвышенности, то «Чезано» написан доступным и, в целом, стилистически нейтральным языком. Для итальянских трактатов XVI века это не было чем-то самоочевидным, а для Толомеи, судя по всему, было важно продемонстрировать, как может выглядеть итальянская проза, когда за ее написание берется носитель языка (а не носитель диалекта, который освоил литературный язык фактически как иностранный: во взрослом возрасте, опираясь на образцовые тексты).

¹ Публикация трактата Бембо, третья часть которого содержала собственно грамматические указания, стала своеобразным водоразделом, после которого можно говорить о кодификации итальянской языковой нормы в том варианте, который предлагали «архаисты», – с опорой на памятники флорентийской литературы XVI века, без учета изменений, произошедших в диалекте Флоренции за два века и вариативности узуса в Тоскане и за ее пределами.

Апология узуса в трактате «Чезано»

Если попытаться предельно обобщенно охарактеризовать взгляды Толомеи на язык, то можно назвать его апологетом живого языка (в противоположность языку литературных текстов минувшей эпохи), а также сторонником опоры на узус носителей (в трактате неоднократно звучит мысль о «естественной» языковой компетенции тосканцев) и стилистической дифференциации языка за счет расширения его использования в текстах различных речевых жанров. В ставшей уже традиционной классификации точек зрения ренессансных итальянских авторов на язык [Migliorini, 1960] Толомеи фигурирует как один из «тосканистов», а в оппозиции «архаисты – модернисты» [Hall, 1942: 6-7] он, без сомнения, модернист. Именно в силу этого взгляды Толомеи не были восприняты сразу, как это произошло, например, со взглядами архаиста Бембо: вместо готового проекта кодифицированной нормы с опорой на небольшой и проверенный временем круг текстов [Челышева, 1996] он предложил итальянскому языковому сообществу своеобразную дорожную карту развития литературного языка на несколько столетий вперед.

Первая часть «Чезано» примечательна, помимо прочего, тем, что Толомеи вкладывает в уста героев трактата, своих оппонентов, отнюдь не абсурдные мысли. Вместо полемики с «соломенным чучелом» и доведения до абсурда точек зрения, которые Чезано, протагонист трактата, не поддерживает, Толомеи от имени персонажей с говорящими именами (Пьетро Бембо, Джанджорджо Триссино, Бальдассаре Кастильоне, Алессандро де' Пацци²) заявляет о главных проблемах и закономерностях, которые обнаружились в процессе нормализации языка. Так, Триссино высказывается о языковом варьировании в Италии, проводя параллель между социолингвистической ситуацией в Древней Греции и современной ему Италии³. Бембо в трактате предстает в несколько неожиданной для реального Пьетро Бембо роли апологета узуса и, как следствие, заявляет о необходимости демократичного, антиэлитарного подхода к языковому нормированию⁴. Кастильоне уделяет большое внимание проблеме обработки языка, его очистки от «пятен»: по сути, он излагает не точку зрения реального Бальдассаре Кастильоне, а скорее взгляды архаистов, единомышленников Бембо, ратовавших за тщательный и сознательный отбор языковых средств. Де' Пацци развивает идею первенства носителей языка как его естественных «хозяев», говорящих на нем с первых лет жизни и использующих этот язык в повседневной коммуникации⁵.

² Все персонажи трактата так или иначе приняли участие в реальных дискуссиях о языке 1524–25 гг. Из них только А. де' Пацци, племянник Лоренцо Медичи, не был автором трактата. Он известен своим письмом к Ф. Веттори (май 1524), в котором описывается полемика о языке, развернувшаяся при папском дворе, в Замке Святого Ангела, комендантом («хранителем») которого был Дж. Ручеллаи (отсюда название одного из трактатов Дж. Триссино – «Хранитель замка», *“Il Castellano”*, 1529).

³ “Così ancora avviene ne la Greca lingua: che quantunque tra gli Attici e gli Eolici, tra i Dorici e gli Ionici sia qualche differenza d'accenti e finimenti di vocabuli, nondimeno tutta insieme questa lingua si chiama Greca, pigliando il suo vero nome non da uno angulo di quella ma da tutta la provincia; come questa ancora Italiana si de' chiamare, dandole il nome tutto questo Giardino del mondo e non una particella di quello” [Tolomei, 1996: 12].

⁴ “...perché se primieramente i vocaboli piglian forza da l'uso, se l'uso è di quelli facitore, governatore e disfacitore, chi mi negherà cotale esser il vero e proprio vocabolo di questa lingua?” “Con ciò sia che alcun dotto huomo, come per i tempi a dietro ne sono stati, haverà o aggiunti o mutati vocabuli o rinovati, non fanno quelli una comune lingua ma sono di colui solo che gli ha fatti: perché i nomi e le significazioni debbono esser comuni egualmente a tutto il populo e al vulgo tutto” [Tolomei, 1996: 8].

⁵ “Laonde di coloro serà la lingua chiamata che da primi anni naturalmente la parlano e che in quel luogo comunemente l'usano, non di coloro che poscia, per alcuna industria o qualunque altra cagione, l'imparano” [Tolomei, 1996: 22].

Дав оппонентам высказаться, пусть не вполне в духе своих реальных прототипов, Толомеи переходит к выступлению заглавного персонажа, которое по объему значительно перевешивает все остальные. Отправной точкой для его рассуждений служит социальная природа человека и коммуникативная функция языка, первичная по отношению ко всем остальным функциям и способствующая совместному проживанию и успешному взаимодействию людей. Именно благодаря языку люди взаимодействуют эффективнее, чем даже те из животных, что держатся стаями⁶. Благодаря совместному проживанию и взаимодействию люди начали формулировать и сообщать друг другу “i segreti pensieri de l’animo suo” («тайные мысли души»), а это, в свою очередь, позволило им решать более сложные задачи, что было бы невозможно, если бы в арсенале человека были только жесты и язык тела [Tolomei, 1996: 31]. Таким образом, Толомеи задолго до антропологов-дарвинистов формулирует идею эволюционного преимущества, которое человеку дал язык.

Одарив человека речевой способностью (“il parlare”), природа, однако, не снабдила его конкретным набором слов для выражения мыслей (“non però gli ha dati i vocaboli determinati” [Tolomei, 1996: 31]). За появление новых слов и новых языков, согласно Толомеи, отвечают такие факторы, как время и пространство (“chiaro si conosce che la verità de’ tempi e la differenza de’ luoghi sono sempe di diversi vocabuli e diverse lingue productrici” [Tolomei, 1996: 31]). Со сторонниками звукоизобразительной теории происхождения языка Толомеи полемизирует: далеко не во всех словах можно увидеть звукоизобразительность, хотя часть лексического состава итальянского языка действительно может иметь оноματοпеическое происхождение. Таким образом, речевая способность, по Толомеи, относится к сфере врожденного, «природы» (Natura), а конкретные варианты ее реализации (слова) занимают как бы промежуточное положение: искусство, или, точнее, творческая способность человека (Arte) строит речь на природном «фундаменте», причем в этом процессе есть место и для случайности (caso)⁷. Именно такой характер развития языка, в сочетании с географическим фактором (отсутствие языковых контактов между людьми, разделенными расстоянием), служит источником языкового варьирования и, в конечном счете, рождения новых языков⁸.

Рассуждая о бытовании языка, Толомеи подчеркивает, что его относительное

⁶ “Dico dunque che l’uomo, il quale da la Natura fu creato tra tutti gli altri animali nobilissimo, ancora fu da quella stessa Natura ordinato ad accompagnarsi insieme con gli altri. <...> non essendo ne le cose che di bisogno non sono la Natura superflua, certo, s’ell’havesse voluto che da sé solo vivesse ciascuno huomo, né mai venisse ne la compagnia de gli altri huomini, invano e senza frutto alcuno ci haverebbe dato e la voce e le parole con le quali noi scopriamo e facciamo comuni altrui i nostri pensieri. Veramente per questo bellissimo dono de la Natura chiaro ci si mostra che viver dobbiamo insieme, che insieme conversare e haver luogo, costume, e insieme lingua comune: in tal guisa che, se ben si riguarda, via più naturalmente s’accompagna l’uomo che i cervi, che i storni, che l’api o altro animale che a schiera o branco vada” [Tolomei, 1996: 30].

⁷ “... il parlare a gli huomini è naturale, ma i vocaboli che le cose ci mostrano sono non da la Natura ma da l’Arte o dal caso in sul fondamento de la Natura formati, la qual ci fece atti e disposti a parlare e a sciogliere la lingua in queste parole e in quelle” [Tolomei, 1996: 32]; “cotali distruggimenti e rinovamenti de la lingua ... sono sottoposte al caso, del quale io ragionavo: non solo per haver egli raccolto in un luogo medesimo quelli huomini che differentemente parlavano, ma ancora perché egli è cagione che in cotal generazione questo vocabulo rimanga vivo, quell’altro in tutto si perda; là dove nissuna arte o industria humana vi s’adopera” [Tolomei, 1996: 37].

⁸ “Quinci nacque prima tanta e sì varia diversità de le lingue che per tutto il mondo si sparsero: perché non essendo gli huomini da la Natura costretti a pigliar più l’uno che l’altro vocabulo, qual meraviglia è se per iscoprire i concetti loro altri nomi gli Indiani, altri i Persi, altri i Caldei, altri i Greci, altri i Latini si presero? Nulla certo, che io creda; anzi molta maraviglia sarebbe se, per la lontananza de’ luoghi non conversando queste cotali genti insieme, fussero, per dimostrar le cose, corsi ad abbracciare i medesimi vocaboli” [Tolomei, 1996: 32].

постоянство опирается на необходимость поддерживать коммуникацию внутри семейного круга, города, провинции и, в конечном счете, государства. В то же время, в процессе использования языка одни слова выходят из употребления, другие, напротив, возникают, и движущая сила этих изменений – обычай, узус, «судья и учитель всех языков», а не воля отдельного индивидуума⁹. Впрочем, такие естественные изменения в языке обычно не приводят к его превращению в новый язык; для подобного скачка в развитии языка нужен внешний стимул, например, языковые контакты в результате резких демографических изменений (пример – варварские нашествия и возникновение романских языков из народной латыни). По версии Толомеи, промежуточной стадией при образовании нового языка может быть то, что современные лингвисты назвали бы смешением кодов: ситуация, когда говорящие с детства слышат оба языка и начинают не вполне осознанно употреблять в речи элементы и одного, и другого¹⁰. В качестве примеров языковых контактов как фактора изменений в языке Толомеи приводит испанский язык, возникший, по его мнению, в результате смешения латыни с арабским, и «тосканский» (название итальянского языка, на котором настаивает Чезано), сформировавшийся из латыни, которая сначала испытала этрусское, а затем германское влияние (их вклад неравноценен: “de l’antica Etrusca un poco, de la Latina assai, e di questa forestiera lingua in parte” [Tolomei, 1996: 37]). При всей спорности тезиса о возникновении испанского языка в результате арабских завоеваний, нельзя не отметить, что приведенные Толомеи примеры иллюстрируют три разных типа языковых контактов, описанных в рамках теории стратов: арабский язык как адстрат, этрусский как субстрат и германские языки как суперстрат.

Для обозначения изменений языка во времени Толомеи использует традиционный для итальянской ренессансной лингвистики термин «порча» (“*corruzione*”), при этом делая оговорку, что новый, возникший в результате «порчи», язык может не уступать старому или даже в чем-то превосходить его. Подобно Бембо в «Беседах о народном языке» (а до него Данте в трактате «О народном красноречии»), Толомеи выступает за то, чтобы на народном языке создавалось как можно больше хороших текстов, ведь именно за счет этого вольгаре приобретает выразительность, гибкость и прочие необходимые литературному языку качества. Однако прежде чем перейти к разговору о функционально-стилистической палитре и ее расширении, Толомеи решает остановиться на, казалось бы, решенной к тому моменту проблеме: доказать, что тосканский – это самостоятельный новый язык, а не испорченная латынь. Новым в данном случае оказывается то, какие приводятся доводы и как выстроена аргументация.

Толомеи заявляет, что между латынью и тосканским есть сходство (что естественно, учитывая происхождение народного языка из латыни), но различий едва ли не больше, чем параллелей. Далее последовательно, от фонетики и фонематики до синтаксиса, рассматриваются различия: по сути, здесь представлен набросок исторической

⁹ “...chiaro si vede come ella [lingua] è comune di coloro che la parlano, e non particolare d’alcuno che vi sia. Eglino con l’uso la mantengono, sì come parimente l’uso la fonda, la cresce, la sminuisce, la distrugge. Però spesso volte avviene che alcuni vocaboli d’una lingua si tralassino, e altri si ripiglino che già erano tralassati, e de’ nuovi si formino ancora, secondo che vuole e governa l’uso la quale (come bene scrive Orazio) è giudice e maestro d’ogni parlare” [Tolomei, 1996: 34-35].

¹⁰ “Con ciò sia cosa che, mescolandosi gli antichi vocaboli di quel luogo con gli nuovi di questi huomini esterni, e ascoltandosi i primi e secondi mescolatamente dai piccoli fanciulli, e hora questi hora que’ vocaboli usandosi, egli avviene molto facilmente che imparino gli uni e gli altri, e questa con quelli e quella lingua con questi corrompendo” [Tolomei, 1996: 35].

грамматики итальянского языка.

В связи с несовпадением фонемного состава латинского и «тосканского» языков Толомеи отсылает читателя к другому своему трактату – «Полито», где подробно обосновывается, почему латинский алфавит не вполне соответствует нуждам литературного языка Италии. При этом частичная, по сути интуитивная, адаптация латинского алфавита к тосканскому диалекту с его набором фонем, по мнению Толомеи, все же предпочтительнее, чем масштабная орфографическая реформа с целью привести состав графем в соответствие с составом фонем (термин «фонема» Толомеи не употребляет, но фактически он пишет именно о фонематически значимых оппозициях).

В «Чезано» Толомеи подробно пишет о том, какого рода изменения привели к трансформации латинской фонетики (упрощение групп согласных, исчезновение спиранта *h*, регрессивная ассимиляция, изменения групп «согласный + *l*», «согласный + *j*», озвончение глухих смычных в интервокальном положении и др.), какие слова не подпадают под действие фонетических законов (речь, прежде всего, о книжной лексике¹¹), какие изменения связаны с общими фонетическими и просодическими закономерностями (эпитеза, апокопа, элизия, избегание зияний на стыке слов, сдвиги ударения и т. п.). Толомеи отмечает тенденцию к энклизе безударных местоимений, еще действовавшую в тосканских диалектах в начале XVI в., однако не углубляется в изучение того, какие закономерности определяют выбор проклизы или энклизы; вместо этого он заявляет о структурном параллелизме между тосканским и древнееврейским языками в данном аспекте (по-видимому, подобного рода параллели с языком священных текстов должны были иллюстрировать тезис о том, что вольгаре не во всем уступает латыни и что не все языковые изменения приводят к порче языка).

Из инноваций в грамматической системе Толомеи останавливается, прежде всего, на возникновении артиклей, которое сближает его родной вольгаре еще с одним классическим языком – греческим, причем сходство обнаруживается не только в самом наличии артиклей, но и в закономерностях их употребления в греческом и итальянском языках. В превращении падежа существительных из словоизменительной категории, находящей выражение в изменении конца слова (в латинском языке), в логико-синтаксическую категорию с аналитическими средствами выражения (в тосканском) Толомеи вновь видит параллели с древнееврейским языком¹². Отмечаются и изменения порядка слов, который, согласно Толомеи, обусловлен уникальными свойствами, присущими каждому языку. По этому поводу Толомеи предостерегает будущих переводчиков с классических языков на народные от дословного перевода, не учитывающего индивидуальные особенности языков, в частности, их синтаксический строй¹³.

¹¹ “tutti que’ vocabuli che hor altrimenti s’usano o scritti si trovano, come plora, implora, splende e plebe, e simili, non fussero presi del mezzo de le piazze di Toscana ma posti innanzi da gli scrittori, e da qualche ingegno che volse la lingua arricchire, che gli prese come ne le stampe Latine gli trovò, senza dar lor forma di Toscano parlare” [Tolomei, 1996: 45].

¹² “Variasi per cagion de’ casi molto più, con ciò sia cosa che il Toscano idioma, non mutando nel fin de le parole i casi suoi come fanno i Greci e Latini, si sforza imitare in questa parte gli Ebrei i quali, con particole differenti poste nel principio, co mostran la varietà de’ casi: così la nostra lingua” [Tolomei, 1996: 52].

¹³ “Così sempre avvenir suole quando d’una in altra differente lingua cosa alcuna si trasferisce, perché, essendo diverso idioma, havendo nuove figure di dire, i vocaboli non egualmente risonanti, gli accenti che le voci fanno splendide quasi in tutto variati, egli è forza che bella sia, in questi volgimenti d’una lingua ne l’altra ubbidire a le forme e le stampe di quella ne la quale si trasferisce, non di quella onde l’argomento si piglia” [Tolomei, 1996: 52-53].

Обосновав тезис об автономности тосканского языка от языка-предка, Толомеи переходит к ключевому для трактата вопросу о языковом нормировании и источниках нормы. Подобно Б. Кастильоне, Толомеи не одобряет принцип имитации литературных текстов. Во-первых, потому, что далеко не все слова попали на страницы произведений Данте, Петрарки и Боккаччо, а значит, отказ от употребления той лексики, что не встречается у писателей, заведомо обедняет язык¹⁴. Во-вторых, развитие языка не должно отставать от развития цивилизации: в старых текстах может не хватить слов для новых реалий, что наглядно показывают классические языки по сравнению с тосканским¹⁵. Кроме того, вариативность, затрудняющая нормализацию языка, характерна не только для разговорной речи, но и для языка литературы¹⁶. Что касается грамматики в целом, с точки зрения Толомеи, народный язык вовсе не лишен правил, и они существовали в языке изначально, независимо от наличия на нем литературы. Устная форма существования языка первична по отношению к письменной, язык общения – по отношению к языку литературы, а правила грамматики – по отношению к их описанию в грамматических сочинениях¹⁷.

Таким образом, Толомеи отвергает идею ориентации на прецедент в виде художественных текстов; для него ориентиром служит укус – “la voce viva”, что, безусловно, дает преимущество выходцам из Тосканы, носителям этого «живого голоса»¹⁸. В то же время, на них лежит и большая ответственность: положительная часть программы Толомеи состоит, в первую очередь, в том, чтобы люди, владеющие тосканским, создавали на нем тексты разных жанров и стилей¹⁹. Рассуждая о недостаточности опоры на тексты «героического» и комического стилей, Толомеи нащупал одно из по-настоящему слабых мест формирующейся итальянской нормы. Среди образцовых текстов, имитировать которые призывали создатели грамматик, не хватало образцов нейтрального стиля. Узость

¹⁴ “Che ci bisognarebbe fare se ‘l Boccaccio non havesse il suo Decamerone scritto, o l’Petrarca i suoi versi? Tacer forse per questo o punto non scrivere? Io veggio che eglino tutti que’ vocaboli usarono che a proposito furono de’ libri loro. Molti altri non vergano le carte perché non nacquero ne le menti de gli scrittori te’ pensieri che per ritrargli fusse necessario dipingerli con lor colore” [Tolomei, 1996: 56].

¹⁵ “Ne’tempi nostri ... via più ricca è di vocabuli questa che o la Latina sia o la Greca, con ciò sia cosa che doppo che quelle si corroppero molte cose nuovamente son nate, o per arte fabbricate tra noi, a le quali si trova Toscano vocabolo ma non Latino già né Greco, perché quella cosa in quei tempi non era” [Tolomei, 1996: 56-57].

¹⁶ “Guardisi al comune parlare, rimirisi a’ libri de gli scrittori ancora: certo troverassi variamente e confusamente haver essi in questa lingua parlato, nè mantenutovi regole di dire o stabilimento di gramatica alcuno” [Tolomei, 1996: 42].

¹⁷ “questo [alfabeto Latino] non giova, che io creda, o nuoce a la lingua quando che ella, per il fine al quale fu da la natura ordinata, non ha bisogno d’alfabeto alcuno” [Tolomei, 1996: 56]; “la quale [lingua], quantunque ne’ libri tutte le sue ricchezze non mostri, pur con la voce viva le va a parte a parte altrui discoprendo” [Tolomei, 1996: 56]; “Prima certo sono le parole, poscia gli scrittori che s’ingegnano quelle con destrezza ed eleganza comporre insieme” [Tolomei, 1996: 72]; “Benché può essere che le regole che vi sono non siano ancora o trovate o scritte, come in tutte sempre è avvenuto: con ciò sia che la gramatica nasce da la lingua, e non la lingua da la gramatica” [Tolomei, 1996: 59].

¹⁸ “Sogliono le lingue prendere i nomi loro da i luoghi dov’elle nascono e dove naturalmente si parlano” (Tolomei 1996: 62); “...così parimente co puro animo e bello [ciascuno] divenga riconoscore del dono che Toscana gli ha fatto; e per esserle grato e honorare insieme non lei solamente ma la veritate ancora ... Toscana sempre mai e si chiami e si stimi” [Tolomei, 1996: 76].

¹⁹ “Ma in questa [lingua], che autori e che libri perdio si possono leggere? di quali frutto di molta dottrina raccogliere? Trovasi il poema di Dante, lo quale in quel suo quasi heroico stile veramente è maraviglioso. Leggesi il Petrarca, che senza dubbio ha tutti gli altri Lirici di Greca lingua o Latina o pareggiati ha certamente o avanzati. Trastullaci co le sue favole il Boccaccio, il quale spesso è rimedio a levarci de l’animo ogni tristo pensiero, e tutto commuoverlo a ridere. Ma ove è la Filosofia? Ove l’Istoria? ove l’altre cose d’importanza?” [Tolomei, 1996: 42].

нормативной базы языка, связанная с ориентацией на небольшой круг художественных текстов, по мнению Толомеи, должна преодолеваться, в том числе для того, чтобы язык Италии изучали и знакомили с ним людей по всему миру²⁰.

Заключение

В XVI веке нормализация литературного итальянского языка приняла то направление, которое Толомеи критиковал, однако со временем становилось все заметнее, что ориентация на литературные памятники XIV века в качестве образца не решает многих задач, связанных с обучением взрослых людей итальянскому литературному языку в письменной и устной форме. В этой связи широкую известность приобрело выражение А. Мандзони “*sciacquare i panni in Arno*” («прополоскать одежду в водах Арно»), означавшее «пожить на родине литературного языка», познакомиться с современной разговорной речью методом погружения. Задолго до Мандзони, во второй половине XVI века, нечто подобное рекомендовал флорентийский гуманист Б. Варки в своем трактате «Эрколано» (1570)²¹: если для обучения письму на литературном языке, по мнению Варки, достаточно внимания и прилежания, то полноценное владение языком в устной форме требует непосредственного погружения в языковую стихию, в идеале – многолетнего проживания во Флоренции и, что также немаловажно, наличия способностей.

Трактат «Чезано» – одно из первых итальянских лингвистических сочинений, где вопрос о языковой и стилистической компетенции и способах ее развить обсуждается в тесной связи с вопросом о территориальной и функциональной основах нормы²². Отталкиваясь от идеи, что именно коммуникация – основное, первичное предназначение языка, Толомеи фактически переводит разговор о литературном языке в функционально-лингвистическую плоскость. Язык, по Толомеи, – это не искусственный (и не предназначенный изначально для целей искусства) инструмент, код, которому можно научиться по книге, игнорируя живой узус. Владение языком в норме предполагает коммуникацию на этом языке, причем, учитывая первичность устной речи, о которой Толомеи неоднократно пишет в своих трактатах, именно устная коммуникация – наиболее естественная форма бытования языка. Тот идеал владения литературным языком, который виделся Толомеи, для XVI века оказался недостижимым. Однако после превращения Италии в единое государство развитие литературного языка продолжилось именно в том направлении, что было обозначено в трактате «Чезано»: дальнейшая функционально-стилистическая дифференциация языка, появление большого количества нелитературных текстов, стилистический сдвиг литературного языка в сторону большей нейтральности, расширение его использования в повседневном общении и, наконец, превращение

²⁰ “Certo, e’ non fia mai che una lingua habbia molto splendore s’ella illuminata non è da questo chiaro e quasi eterno sole de le scritture: il quale è cagione di mostrarla a’ preseni e lontani, e mostrandola, per varie parti del mondo distenderla” [Tolomei, 1996: 42].

²¹ “anzi non basta il venire a Firenze, che bisogna ancora starvi, e di più conversare, e badarvi: e molte volte anco non riesce, perché Messer Lodovico Domenichi è stato in Firenze quindici anni continui, e con tutte le cose sopradette non ha ancora apparato a parlare Fiorentinamente. C. Egli sa pure Fiorentinamente scrivere.

V. Noi ragioniamo del parlare, e non dello scrivere” [Varchi, 1846: 326].

²² Данные термины были введены в научный обиход во второй половине XX вв. и с тех пор широко используются представителями отечественной школы социолингвистики, а также в рамках исторического языкознания – см., в частности, [Гухман, 1970; Гухман, 1960; Семенюк, 1996; Семенюк, 1970; Косарик, 2013].

итальянского языка в один из самых изучаемых языков в мире. И по-прежнему, как и во времена Толомеи, своей популярностью итальянский язык обязан не силе оружия (“non per forza, non per arme”)²³, а, в первую очередь, богатству культуры Италии.

Литература

- Алисова Т.Б. (1960) Особенности становления норм итальянского письменно-литературного языка в XVI в. Вопросы формирования и развития национальных языков. Труды Института языкознания АН СССР. Т. X. С. 177–203.
- Гухман М.М. (1960) Некоторые общие закономерности формирования и развития национальных языков. Вопросы формирования и развития национальных языков. Труды Института языкознания АН СССР. Т. X. С. 295–307.
- Гухман М.М. (1970) Литературный язык. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука. С. 502–548.
- Жолудева Л.И. (2013) Спор о названии языка в лингвистических трудах Чинквеченто как отражение проблем формирования итальянской идентичности. Древняя и Новая Романия. Т. 2, № 2. С. 36–48.
- Косарик М.А. (2013) Социолингвистическая проблематика в ранних португальских сочинениях о языке. М.: МАКС Пресс. 206 с.
- Семенюк Н.Н. (1996) Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов. Языковая норма. Типология нормализационных процессов. М.: Институт языкознания РАН. С. 23–44.
- Семенюк Н.Н. (1970) Норма. Общее языкознание. / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука. С. 549–595.
- Челышева И.И. (1996) Теория и практика процесса языкового нормирования в Италии XVI в. Языковая норма. Типология нормализационных процессов. М.: Институт языкознания РАН. С. 128–153.
- Cannata N. (2010) Koiné, dialetto, lingua comune: le radici greche di un dibattito rinascimentale. Critica del testo. XIII, 2. P. 257–271.
- Cerruti M., Crocco C., Marzo S. (eds.) (2017) Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian. Berlin, Boston: De Gruyter. 378 p.
- Hall R.A. (1942) The significance of the Italian Questione della Lingua. Studies in Philology. Vol. 39, no. 1. pp. 1–10.
- Maiden M. (1995) Storia linguistica dell'italiano. Bologna, Mulino. 307 p.
- Migliorini B. (1960) Storia della lingua italiana. Firenze, Sansoni. 841 p.
- Tolomei C. (1996) Il Cesano de la lingua toscana. A cura di O. Castellani Pollidori. Firenze, Accademia della Crusca. 117 p.
- Trovato P. (1994) Il primo Cinquecento. Storia della lingua italiana. Bologna, Mulino. 476 p.
- Varchi B. (1846) L'Ercolano. Firenze, per l'Agenzia Libreria. 750 p.

²³ “Ma la nostra [lingua] chiaro si vede come non per forza, non per arme, non per essere altri obbligati a saperla, ma solamente per la bellezza e leggiadria sua è da leforestiere genti amata, imparata, honorata in tal guisa che nel comune parlare nissuno si crede acquistar pregio di bel ragionatore, che questa lingua non parli” [Tolomei, 1996: 58].

References

- Alisova T.B. (1960) Osobennosti stanovlenija norm ital'janskogo pis'menno-literaturnogo jazyka v XVI v. [Peculiarities of formation of the Italian literary language norm in the 16th century] Voprosy formirovanija i razvitija nacional'nyh jazykov. Trudy Instituta jazykoznanija AN SSSR. [Issues of formation and development of literary idioms. Works of the Institute of Linguistics, URSS Academy of sciences] Vol. X, pp. 177–203. (In Russ.)
- Gukhman M.M. (1960) Nekotorye obshhie zakonomernosti formirovanija i razvitija nacional'nyh jazykov. [Certain general features of the formation and development of national languages] Voprosy formirovanija i razvitija nacional'nyh jazykov. Trudy Instituta jazykoznanija AN SSSR. [Issues of formation and development of literary idioms. Works of the Institute of Linguistics, URSS Academy of sciences] Vol. X, pp. 295–307. (In Russ.)
- Gukhman M.M. (1970) Literaturnyj jazyk. [Literary language] Obshhee jazykoznanie. Formy sushhestvovaniya, funkci, istoriya jazyka. [General linguistics. Forms of existence, functions, history of language] Moscow, Nauka, pp. 502–548. (In Russ.)
- Zholudeva L.I. (2013) Spor o nazvanii jazyka v lingvisticheskikh trudah Chinkvechento kak otrazhenie problem formirovanija ital'janskoj identichnosti. [The linguonym controversy in 16th-century Italian linguistic treatises and the problems of formation of the Italian national identity] Drevnjaja i Novaja Romanija. Vol. 12, no. 2, pp. 36–48. (In Russ.)
- Kosarik M.A. (2013) Sociolingvisticheskaja problematika v rannih portugal'skih sochinenijah o jazyke. [Sociolinguistic issues in early Portuguese linguistic treatises] Moscow, MAKSS Press. 206 p. (In Russ.)
- Semenjuk N.N. (1996) Formirovanie literaturnyh norm i tipy kodifikacionnyh processov. [The formation of literary norm and types of codification processes] Jazykovaja norma. Tipologija normalizacionnyh processov. [Language norm. Typology of normalisation processes]. Moscow, Institut jazykoznanija RAN, pp. 23–44. (In Russ.)
- Semenjuk N.N. (1970) Norma. [The norm]. Obshhee jazykoznanie. Formy sushhestvovaniya, funkci, istoriya jazyka. [General linguistics. Forms of existence, functions, history of language] Moscow, Nauka, pp. 549–595. (In Russ.)
- Chelysheva I.I. (1996) Teorija i praktika processa jazykovogo normirovanija v Italii XVI v. [Theory and practice of language standardization in Italy in the 16th century] Jazykovaja norma. Tipologija normalizacionnyh processov. [Language norm. Typology of normalisation processes]. Moscow, Institut jazykoznanija RAN, pp. 128–153. (In Russ.)
- Cannata N. (2010) Koiné, dialetto, lingua comune: le radici greche di un dibattito rinascimentale. Critica del testo. XIII, 2. pp. 257–271.
- Cerruti M., Crocco C., Marzo S. (eds.) (2017) Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian. Berlin, Boston: De Gruyter. 378 p.
- Hall R.A. (1942) The significance of the Italian Questione della Lingua. Studies in Philology. Vol. 39, no. 1, pp. 1–10.
- Maiden M. (1995) Storia linguistica dell'italiano. Bologna, Mulino. 307 p.
- Migliorini B. (1960) Storia della lingua italiana. Firenze, Sansoni. 841 p.
- Tolomei C. (1996) Il Cesano de la lingua toscana. A cura di O. Castellani Pollidori. Firenze, Accademia della Crusca. 117 p.
- Trovato P. (1994) Il primo Cinquecento. Storia della lingua italiana. Bologna, Mulino. 476 p.
- Varchi B. (1846) L'Ercolano. Firenze, per l'Agenzia Libreria. 750 p.

Жолудева Любовь Ивановна – доктор филологических наук, старший преподаватель кафедры романского языкознания, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

Адрес: 119991, Россия, г. Москва Ленинские горы, д. 1–51.

Эл. адрес: l.zholudeva@gmail.com

Для цитирования: Жолудева Л.И. Социолингвистическая проблематика в трактате Клаудио Толомеи «Чезано» (1525). [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2020, № 4(4). С. 173–185. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-173-185

For citation: Zholudeva L.I. Sociolinguistic issues in Claudio Tolomei's treatise "Cesano" (1525). Sociolinguistic Studies, 2020, no. 4(4) [online], pp. 173–185. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-173-185